

НИКОЛАЙ ГЕЙНЦЕ

ВОИСТИНУ
ВОСКРЕСЕ!

Николай Эдуардович Гейнце Воистину воскрес!

Аннотация

«Было два часа великой ночи на Светлое Христово Воскресение.

Роскошный дом Сергея Прохоровича Сазонова сиял огнями. В столовой был великолепно сервирован стол для разговенья. В доме, кроме прислуги, был один Сергей Прохорович. Вся семья его, состоящая из жены, трех дочерей и двух сыновей, была в церкви; ему же что-то нездоровилось и он остался дома. На разговенье ждали гостей...»

Николай Гейнце

Воистину воскрес!

Рассказ

Было два часа великой ночи на Светлое Христово Воскресение.

Роскошный дом Сергея Прохоровича Сазонова сиял огнями. В столовой был великолепно сервирован стол для разговенья. В доме, кроме прислуги, был один Сергей Прохорович. Вся семья его, состоящая из жены, трех дочерей и двух сыновей, была в церкви; ему же что-то нездоровилось и он остался дома. На разговенье ждали гостей.

– Я здесь, кстати, и распоряджусь, – сказал он жене, отправляя ее с детьми к заутрени.

Молча ходит он по своему комфортабельному кабинету в ожидании возвращения семьи из церкви и приезда приглашенных.

Вдруг он остановился посреди комнаты, как вкопанный. Глубокие морщины появились на красивом лбу этого, далеко не старого человека с легкой проседью в черных как смоль волосах на голове и бороде – видимо, его осенила какая-то гнетущая мысль...

Он вспомнил своего покойного друга и товарища по делу – Павла Николаевича Храброва... Вспомнил, как они оба

начали то дело, которое привело его, Сергея Прохоровича, к богатству и почету, а Храброва к преждевременной могиле от излишних трудов. Вспомнил, как умирающий просил его позаботиться о его семье – жене и трех малолетних детях, и как он, Сергей Прохорович, обещал ему эту заботу. Но что же он сделал для этой семьи? Он принял жену его на службу в одну из своих контор с жалованьем по тридцати рублей в месяц и на этом успокоился. Бедная женщина гнет спину за эти гроши, на которые она едва перебивается в маленькой квартирке на Песках с тремя детьми подростками, с девяти часов утра до восьми часов вечера, а ночи проводит за домашней работой, а он... он утопает в роскоши. Нужда, и им когда-то испытанная, представляется ему чем-то далеким-далеким. Он забыл ее.

Худая, бледная, измученная непосильной работой вдова Храброва как-то особенно рельефно предстала в его воображении именно такую, какую он недавно видел ее в конторе.

«Ей долго не прожить», – мелькнуло еще тогда в его голове.

А между тем покойному Храброву причиталось получить прибылей от прекрасно пошедшего незадолго до его смерти дела около пяти тысяч рублей. Смерть покончила счета, не основанные на документах, и деньги остались в кармане Сергея Прохоровича.

«Я вор, я утаил эти деньги от его семьи! – как-то болезненно вдруг крикнул он сам себе. – Но почему же только те-

перь, в эту великую ночь, я сознал эту ужасную истину?... Это Господь вразумляет меня. Надо спешить».

Быстро подошел Сергей Прохорович к вделанному в стене несгораемому шкафу, отпер его и нервно начал считать деньги. Отсчитав пять тысяч рублей, он положил их в карман и вышел в переднюю.

– Скажи барыне, что я буду через полчаса, чтобы подождали меня, – сказал он лакею, подававшему ему пальто.

– Слушаю-с! – стереотипно ответил тот. Сергей Прохорович вышел из дому.

Стояла чудная теплая ночь. В городе царствовала какая-то торжественная тишина, изредка прерываемая отдаленным стуком экипажа. На улицах было пусто – все были в церквях. Но чу... раздался звон колокола, сперва в одном месте, затем, как эхо, в нескольких других и, наконец, в воздухе повис, как бы шедший сверху, какой-то радостный, до сердца проникающий гул – это звонили к обедне... Сергей Прохорович, с удовольствием вдыхавший в себя мягкую свежесть теплой ночи, перекрестился...

– Как хорошо! – невольно сказал он сам себе.

Долго шел он пешком, пока не нашел извозчика, в пролетку которого и сел, не торгуясь.

– На Пески, в пятую улицу! – приказал он вознице.

С трудом отыскав во дворе громадного дома квартиру Храбровой, Сергей Прохорович постучался в указанную ему дворником дверь, которую отворила сама хозяйка и как бы

окаменела от удивления.

Опрятная нищета, которая страшнее нищеты непокрытой, проглядывала во всей обстановке этого убогого жилища.

В квартире еще не спали. Мать с тремя детьми разговлялась скудной трапезою.

– А я к вам, не ждали? – начал Сергей Прохорович, вступая в комнату.

Храброва все еще не могла произнести ни слова.

– В эту великую ночь, когда Воскресший спаситель мира запечатлел наше искупление от грехов, я хочу искупить мой тяжкий грех перед вами и вашим мужем: вот пять тысяч рублей, принадлежавшие ему, так как это половина прибыли, полученной с нашего дела еще при его жизни. Возьмите и простите меня, – протянул он ей пачки.

– Христос воскрес! – машинально произнесла все еще не опомнившаяся Храброва.

– Воистину воскрес! – набожно ответил Сергей Прохорович.

Они похристосовались.

Затем он перецеловал детей, обещав им прислать на другой день по яйцу, снова объяснил Храбровой, какие деньги он привез ей и, пожелав ей счастья, уехал.

– Христос воскрес! – встретили его дома жена, дети и собравшиеся гости.

– А мы заждались тебя, – сказала супруга. – Куда это ты

ездил ночью?

Сергей Прохорович в коротких словах передал причины и цель своего отъезда.

– Зато теперь я могу спокойно и неліцемерно ответить вам: воистину воскресе! – закончил он свой рассказ и начал христосоваться с семьей и гостями.